

КОСТРОМСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

№ 5 (17) МАЙ 2009

Журнал учрежден и издается Костромской епархией Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) по благословию архиепископа Костромского и Галичского АЛЕКСАНДРА.

Издание начато в 1885 году, возобновлено в 2008 году. Выходит ежемесячно. Тираж 3000 экз.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС69-1684Р от 12.02.2008 г., выдано управлением Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия по Тверской области.

Главный редактор - игумен Харитон (Просторов).

Адрес редакции:
156000, г. Кострома,
ул. Богоявленская
(Симановского), д. 26-а.
Тел./факс: (4942) 31-64-73.
E-mail: kev44@inbox.ru

Над журналом работали:
священник Андрей Казарин
священник Евгений Иванов
священник Андрей Вавилов
диакон Роман Головин
диакон Михаил Мостовой
Кирилл Мартюшов

На первой странице обложки - Кострома, музей деревянного зодчества "Костромская слобода". Храм во имя Всемилоственного Спаса из села Фоминского (построен в 1712 году).

На последней странице обложки - 28 мая 2009 года, у святого источника в Троице-Сыпановом Пахомиево-Нерехтском женском монастыре.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

Обращение архиепископа Костромского и Галичского Александра в день празднования 625-летия преставления ко Господу преподобного Пахомия, игумена Нерехтского, 28 мая 2009 года	2
Хроника Костромской епархии: апрель 2009 года	4

ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ

От Прощеного воскресенья – к Святой Пасхе. Фотолетопись епархиальной жизни, март – апрель 2009 года	14
Новые книги	20
Новые чудеса преподобного Пахомия	21

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Архиепископ Костромской и Галичский Александр. Протоиерей Павел Острогский (1877-1937): жизнь и подвиг (окончание)	27
--	----

Архиепископ Костромской и Галичский АЛЕКСАНДР

ПРОТОИЕРЕЙ ПАВЕЛ ОСТРОГСКИЙ (1877-1937): ЖИЗНЬ И ПОДВИГ

(Окончание. Начало в № 3-4)

Основным (и фактически единственным) источником сведений о событиях 1933-1934 годов в Селище для нас является следственное дело священномученика Макария, протоиерея Павла Острогского, Р.А. Ржевской и М.И. Сегеркранц.

До начала девяностых годов XX века это следственное дело хранилось в управлении службы государственной безопасности по Костромской области. По акту от 16 декабря 1992 года оно было передано в Центр документации новейшей истории Костромской области, в 2000 году переименованный в Государственный архив новейшей истории Костромской области, и получило шифр: ЦДНИКО (впоследствии ГАНИКО), ф. 3656, оп. 2, д. 6179.

Со второй половины девяностых годов материалы следственного дела стали публиковаться как в печатных изданиях, так и в сети Интернет. Наиболее обширную публикацию осуществил в 1997 году М.Б. Хлебников: в 1997 году в № 5 (569) издаваемого в Джорданвилле журнала «Православная жизнь» был напечатан его очерк «Движение истинно православных в Костромской губернии»¹ – своеобразная апология костромского «катакомбничества». Последняя глава работы, «Священномученик епископ Макарий (Кармазин)», представляла собой подборку выписок из следственного дела. Нужно отметить, что М.Б. Хлебников не только легкомысленно относился к публикации документов (так, номер следственного дела указан «61179» вместо «6179», протоиерей Павел Острогский даже в цитатах многократно именуется «Острогорским»), но и преследовал

цель обосновать принадлежность епископа Макария и его близких к «истинно-православной церкви» – что подразумевалось и заголовком очерка.

В 1999 году вышла из печати работа протоиерея Сергия Голубцова «Профессура МДА в сетях ЧК и Гулага». Отец Сергей, работая над биографией Н.И. Серебрянского, лично изучал следственное дело священномученика Макария, хранящееся в ЦДНИКО, в 1996 году; однако он опубликовал лишь небольшие выдержки из протоколов и при этом выразил сомнение в их достоверности:

«Подпись протокола со стороны Кармазина, похоже, фальсифицирована и похоже, что «протокол» создан для привлечения Серебрянского к судебному делу, как и последующий протокол допроса от 19 октября, где в отношении Серебрянского сказано, что он служил для еп[ископа] Макария информатором в отношении новостей церковной жизни, доставлял ему «Вестник Моск[овской] Патриархии» и прочие издания (л. 17).

Согласно обширному протоколу в 11 страниц (лл. 25-30), вероятно с псевдоподписью Кармазина, последний якобы признал: «С самого начала Революции [мы] встали на платформу непримиримой борьбы с Советской властью и неизменно стоим на этой позиции и по настоящее время...» (л. 25). Этот протокол и по своему огромному объему, резко отличающемуся от предыдущих, и по своему содержанию, где обвиняемый «катит бочку на себя», как и по явно подложной подписи, выглядит фальшивкой, составленной в «органах»...»².

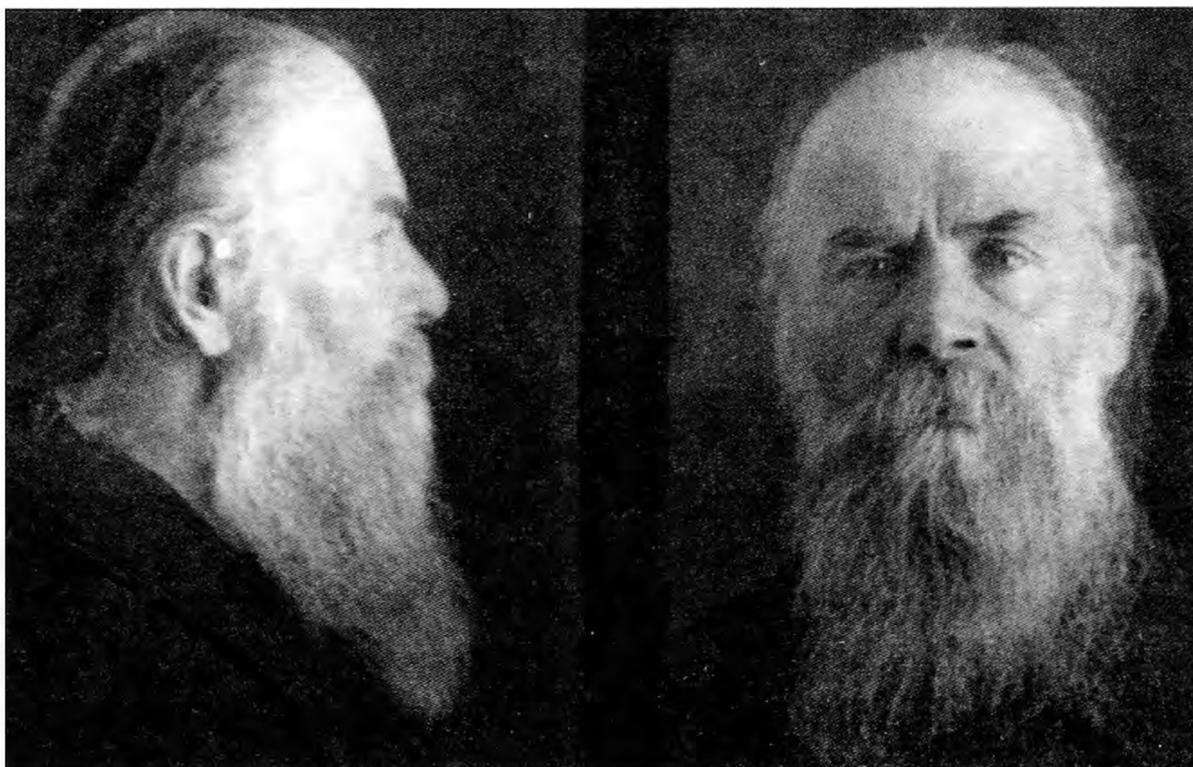
В 2000 году в Симферополе был напечатан труд протоиерея Николая Доненко «Наследники Царства», содержащий очерк о жизни и трудах священномученика Макария³. Автор цитировал документы из следственного дела, однако не дал на них ссылок и не указал дело в списке источников. По мнению протоиерея Николая, владыка Макарий, проживая в Селище, действительно вел «катакомбную» деятельность – «продолжал создавать домовые церкви, где подготавливались кандидаты для рукоположения»⁴.

Епископу Макарию и его следственному делу посвящены фрагменты монографии священника Александра Мазырина «Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах», выпущенной издательством Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета в 2006 году. Цитируя протоколы допросов священномученика⁵, автор делает при этом следующие замечания:

«Есть основания считать, что его [епископа Макария] позиция по отношению к митрополиту Сергию и «сергианам» была значительно более жесткой, чем позиция святителя Кирилла⁶»⁷.

«Однако даже с таким радикальным «борцом с сергиевцами», как епископ Макарий, святителю Кириллу удалось, не меняя своей принципиальной позиции, прийти при посредничестве архиепископа Серафима⁸ (и, может быть, кого-то еще, например, епископа Дамаскина⁹) к определенному единству взглядов. Происходила все большая консолидация церковной оппозиции»¹⁰.

«Епископ Макарий, например, был настроен более радикально, чем он [митрополит Кирилл], и предпочитал среди «руководящего состава “Истинно-православной церкви”»

Епископ Макарий (Кармазин). Фото из следственного дела.

первым называть архиепископа Серафима, а не митрополита Кирилла»¹¹.

При этом в монографии священника Александра Мазырина справедливо отмечено:

«Органы НКВД были прямо заинтересованы в том, чтобы представить всех, как они называли, «церковников» членами «всесоюзной антисоветской организации», стоящими на одной «контрреволюционной платформе». Само выражение «платформа ссыльного епископата» было, по-видимому, изобретением тех же органов (равно как и приобретенное специфический смысл словосочетание «Истинно-православная церковь»). Во многом могли быть сфальсифицированы и признательные показания о том, что те или иные конкретные иерархи были «сторонниками этой к.-р.¹² платформы»¹³.

Нельзя обойти вниманием свидетельство святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского, арестованного в 1936 году и содержавшегося под следствием в Иваново. 2 февраля 1939 года владыка Афанасий направил заявление наркому внутренних дел СССР, в котором описывал применявшиеся ивановскими сотрудниками НКВД методы:

«Все следствие велось крайне тенденциозно. Мои показания следователь Новиков¹⁴

не записывал точно с моих слов, а формулировал их так, что получился совершенно иной смысл. Напр[имер], простое перечисление фамилий в ответ на вопрос: «Кто мои знакомые» принимало такую приблизительно формулировку: «В состав возглавляемой мной организации входят такие-то». По этому поводу я подал в конце следствия подробное заявление.

Мне не было дано очной ставки с моими так называемыми однодельцами Гумилевским и Смирновым, показания якобы которых зачитывал следователь.

В результате всех искажений моих показаний и тенденциозного освещения самых невинных обстоятельств (как чаепитие на именинах) мне дано 5 лет заключения...»¹⁵

С учетом последних замечаний попытаемся проанализировать материалы следственного дела и выяснить: как же действительно проходила жизнь владыки Макария и его окружения в 1933-1934 годах?

Остается только сожалеть, что практически все перечисленные выше исследователи, знакомясь с делом, обошли вниманием содержащиеся в его второй части бесценные документы – личную переписку владыки Макария. Лишь в монографии священника Александра Мазырина приведен фрагмент из письма протоиерея Николая Пискановского¹⁶ епископу Макарию от 3/16 сентября 1934 года¹⁷. Между тем эта переписка не только добавляет много деталей к облику владыки, но и позволяет усомниться и в трактовке его личности как радикального представителя «правой» оппозиции митрополиту Сергию, и в обоснованности обвинений, выдвинутых следствием против владыки и его близких.

Для объективности вначале рассмотрим, что говорится о переписке епископа Макария в протоколах его допросов.

В протоколе допроса владыки 1 ноября 1934 года от его имени приводятся цитаты из переписки 1933 года:

«17/X-1933 г. священник Дробницкий в письме мне сообщает:

«Душа изнемогает под бременем тягот и висящего над нами опускающегося все ниже и ниже Дамоклова меча... Неослабевающий напор стремится сломать всю церковную структуру... В районе из 26 храмов осталось всего 5 и эти в ближайшее время будут закрыты... Все до потери человеческого облика терроризированы».

14/V-1933 г. в письме на мое имя св[ященник] Левитский Селиверст пишет:

«Голод и нужда в нашем крае велика, смертность ужасная, в моем селе (Украина) 230 домов, ежедневно от голоду умирает 2-3 человека. Трупы встречаются часто на дороге незакрытыми. Развивается сильное людоедство. В одном селе женщина зарубила отца и сестру и мясо употребила на холодное для продажи, другая женщина съела своего ребенка, вырыла из земли свою мать старуху, отрубил ее ноги для холодного... Ужас, что творится в народе»...

В июне м[еся]це 1933 г. священник Яртемский Леонтий (п/о Никитовка Донецкой области) мне в письме сообщал, что духовенство ходит со своими семьями по полям, разгребает мшанные гнезда, выбирают остатки зерна и потребляют их в пищу и т[ак] д[алее]»¹⁸.

В материалах дела говорится о письмах, получавшихся владыкой через жительницу Селища Е.Г. Ковырялову. В протоколе ее допроса 22 ноября указывается: «Мне известно, что Кармазин имел широкую переписку со своими последователями, проживающих¹⁹ в др[угих] городах Союза, причем по предварительной договоренности со Ржевской часть переписки Кармазина адресовалась лично на мое имя, такие письма я Кармазину передавала с почтовым штампом Киев, Харьков, Бердичев и др[угих] городов»²⁰. От имени владыки Макария в протоколе его допроса 21 октября 1934 года говорится: «Особо серьезные письма мне я получал в адрес Ковыряловой Евдокии Григорьевны, который я своевременно сообщил ряду своих единомышленников, в частности: Еп[ископам] Дамаскину, Жевахову²¹»²².

Протоколы допросов священномученика Макария, имеющиеся в следственном деле, якобы с его слов описывают направление и содержание переписки владыки.

5 октября 1934 года: «В 1934 году через священника Пискановского, отбывающего ссылку в Архангельске, я получил письменный указ от епископа Серафима (Самойловича) – Угличского. В этом указе Серафим, несмотря на то, что он находится в ссылке, рассматривая себя как заместителя патриаршего местоблюстителя, предлагал принять руководство епархиями»²³.

11 октября: «Принятие руководства нелегальными епархиями «истинно-православной церкви» и отдельными группами я (Кармазин) Макарий получил в мае м[еся]це 1934 года от епископа Серафима (Самойловича) через священника Пискановского, отбывающий ссылку в г. Архангельске. В письменном указе Серафим (Самойлович), несмотря на то, что он находился в ссылке, рассматривая себя, как заместителя патриаршего местоблюстителя, предлагал принять Днепро-Петровскую епархию, которой я управлял до своего ареста – 1927 года. Позднее, т[о] е[сть] вскоре после ареста Серафима (Самойловича), Пискановский предложил мне принять руководство Вятской епархией и группами «ИПЦ» Ивановской промышленной области <...>»²⁴.

21 октября: «Вопрос: Расскажите, какими путями Вы поддерживали связь с бывш[ими] руководителями к/р организации ИПЦ – митр[ополитом] Кириллом, архиеп[ископом] Серафимом Угличским и др[угими] и какие указания получали от них?

Ответ: Связь с руководителями б[ывшей] к/р организации ИПЦ и епископами, входившими в эту организацию, осуществлялась главным образом через письма, направляемые по зашифрованным адресам, которые своевременно мне сообщались, напр[имер]: Архиепископу Серафиму Угличскому в Архангельск я писал в адрес дочери его личного секретаря Пискановского, Епископу Жевахову в Боро-

вичи через его квартиро-хозяйку Синявину, Епископу Дамаскину через Шпаковскую, Епископу Парфению²⁵ в Кимры Московск[ой] обл[асти] на имя его матери Брянских, Епископу Антонию²⁶ в Белгород – на имя его матери Панкеевой.

Такие же зашифрованные адреса я имел для переписки с рядом других единомышленников и последователей, проживающих в Харькове, Киеве и др[угих] городах.

В свою очередь особо серьезные письма мне я получал в адрес Ковыряловой Евдокии Григорьевны, который я своевременно сообщил ряду своих единомышленников, в частности: Еп[ископам] Дамаскину, Жевахову. В интересах конспирации нашей деятельности мы ввели соответствующий шифр и в переписку, напр[имер]: ГПУ мы называли – «Катя», «Екатерина Иван[овна?]», арест и изоляцию: «заболел», «положили в больницу», ссылку: «поехал на курорт», освобождение из-под ареста или концлагеря: «выздоровел», митр[ополита] Кирилла – «дедушка Кирюша», арх[иепископа] Серафима – «дедушка», митр[ополита] Сергия – «Иван Николаевич» и т[ак] д[алее], что давало нам возможность согласованно проводить практическую работу и быть незамеченными <...>.

В мае мес[яце] 1934 г. Серафимом Самойловичем я, через Пискановского, был приглашен в Архангельск на совещание, но от этой поездки, по соображениям конспирации и во избежание провала деятельности ИПЦ и его последствий, я отказался и ограничился письменным сообщением в адрес Серафима о том, что я ИПЦ не изменю <...>.

Вскоре я от Пискановского получил указ от архиепископа Серафима о принятии руководства приходами и группами ИПЦ Вятской Епархии и ИПО (об этом я показал на предыдущем допросе), а также и инструктивное письмо о новых методах нашей работы, направленных к успешному продвижению программно-политических установок «ИПЦ», в частности: об организации нелегальных до-

машних церквей, тайных богослужений и объединения вокруг них своих единомышленников в целях воспитания активных противников Советской власти»²⁷.

22 октября: «В целях быстреего осуществления моей мысли о скором торжестве церкви, я в письмах к своим единомышленникам и почитателям стремился внедрить им эту мысль, т[ак] напр[имер]: получаемые из Киева, Умани, Одессы, Харькова и др[угих] городов сведения о якобы насильственных действиях по закрытию и уничтожению церквей, о бедственном положении духовенства, а также сведения, получаемые мною и от Пискановского и от других о положении заключенного и ссылке духовенства, распространял везде, напр[имер]: Харьков сообщал о Киеве и др[угих] городах и наоборот, увязывая впоследствии эти материалы с решениями XVII партсъезда по вопросу о ликвидации паразитических элементов.

Всех лиц, коим я вышеприведенное сообщал, я сейчас не помню (их фамилии отобраны у меня при личном обыске в момент ареста), но помню, что об этом я писал в Харьков своей знакомой Бенш Прасковье Владимировне и священнику Раздольскому Александру, в Киев – священнику Предтечевскому, Народ Марии Дмитриевне, в Умань – моему бывш[ему] секретарю Боделевичу, иеромонаху Крониду Петрашевичу и др[угим].

Кроме таких сведений, я отдельным своим единомышленникам, в частности Билинскому Михаилу Петровичу (с[ело] Любомирки – Ольгополь), высказывал свой взгляд об акте присвоения митр[ополиту] Сергию титула «блаженнейшего». Я высказывал, что этот акт является мероприятием, подготовляющим безболезненную замену Петра Крутицкого²⁸ Сергием.

Еще до приезда на жительство в Кострому и после я вел секретную переписку с епископами Иоасафом Жеваховым и Антонием Панкеевым, доказывавшими мне возможность и необходимость, особенно в настоящее время, предста-

вителям «истинно-православн[ой] церкви» присоединиться к митр[ополиту] Сергию. Возражая против этого и желая убедить их в обратном, я приводил им свои доводы и сведения о тяжелом положении церкви, духовенства и т[ому] п[одобном] (примерно в формулировке писем к своим единомышленникам) и связывал это с именем митр[ополита] Сергия, прикрывающего действия Советской власти. Жевахову я, в целях доказательства необоснованности его доводов, писал, что не время сейчас думать о наградах и ознаменовывать их страданиями в ссылке в концлагерях тысяч духовных лиц.

Вскоре после получения через Пискановского инструктивного письма о новой тактике в деятельности истинно-православной церкви, в частности об организации нелегальных церквей и т[ому] п[одобном] (см[отри] мое показание от 21/X), я намеревался провести беседы с моими единомышленниками и почитателями в Умани, Харькове и Киеве. С этой целью я имел в виду использовать свою поездку в Киев за своими вещами, предварительно предупредил своих единомышленников о моих намерениях и поручил в Умани своему бывш[ему] секретарю Боделевичу к определенному дню известить моих почитателей – св[ященника] Николая Родневич, св[ященника] Фелофея Буряк и др[угих]. Крониду Петрашевичу я написал отдельное письмо. В Харькове извещение должна была обеспечить Бенш Прасковья Владимировна, в Киеве – св[ященник] Предтечевский Иван. Кроме этого, я имел намерение провести беседу с Украинским митр[ополитом] Константином²⁹, которого хотел просить найти пути, облегчающие тяжелое положение безработного духовенства»³⁰.

Письма, сохранившиеся в деле епископа Макария, в своей совокупности рисуют картину жизни священномученика, весьма отличную от концепции «идеолога истинно-православной церкви».

В деле сохранились следующие письма:

1. Письма священномученика Макария к Р.А. Ржевской за 21-31 июля 1934 года – всего

6³¹. По сути их можно назвать «дневником в письмах»: тогда Р.А. Ржевская временно уехала к родственникам на юг страны (возможно, в Баллаву), и владыка Макарий ежедневно во всех деталях излагал ей свою жизнь, периодически отсылая письма адресату.

2. Письмо епископу Макарию от 4 августа 1934 года, подписанное «Е. И.» – видимо, от священномученика епископа Иоасафа (Жевахова), сохранилось лишь в машинописной копии³².

3. Письмо владыке Макарию от 21 августа 1934 года без подписи – можно предполагать, что его автором являлся епископ Парфений (Брянских). Сохранилось лишь в машинописной копии³³.

4. Письмо епископу Макарию от 16 сентября 1934 года, подписанное: «недост. пр. Н.»; согласно описи³⁴, его автором должен являться протоиерей Николай Пискановский, известный деятель «иосифлянства». Имеется в деле в оригинале и в машинописной копии³⁵. К документу отец Николай прилагал копию одного из писем священномученика митрополита Кирилла с указанием: «Посылаю Вам первый листик письма М[итрополита] Кирилла, если у Вас его нет, то в следующий раз буду присылать продолжение его»³⁶.

5. Письмо владыке Макарию (?), полученное 21 сентября 1934 года, от неизвестного лица (возможно, священнослужителя из Луганска) – сохранилось лишь в машинописной копии³⁷.

В целом отметим, что авторство вышеперечисленных документов устанавливается: без сомнений (по содержанию и почерку) для писем самого епископа Макария к Р.А. Ржевской (п. 1); очень вероятно – для писем протоиерея Николая Пискановского (п. 4) и епископа Иоасафа (п. 2, с учетом содержания писем из п. 1); предположительно – для письма епископа Парфения (?) (п. 3); невозможно установить – п. 5. Добавим, что для п. 5 формально не очевидно то, что письмо было направлено именно владыке Макарию; для п. 2 адресат

устанавливается из контекста, для п. 3 – из приведенного в копии адреса, для п. 4 – из пометки на письме, сделанной рукой священномученика.

О том, что некоторые письма действительно приходили на адрес Е.Г. Ковыряловой, свидетельствует фрагмент из письма епископа Макария к Р.А. Ржевской от 21 июля 1934 года: «От Евд[окии] Гр[игорьевны] получил письмо от сына Иоас[афа]»³⁸. Однако тот же епископ Иоасаф указывал (п. 2), что корреспонденция посылается и на домашний адрес владыки Макария.

В переписке и сам священномученик Макарий, и его корреспонденты по вполне понятным причинам использовали условные имена и иносказания. Так, в письме предположительно епископа Парфения говорится о «Кафадуде», «блаженном» и «Бауманском общежитии»³⁹. Сам владыка Макарий в письме к Р.А. Ржевской именуется митрополита Сергия «Иваном Николаевичем»: «Мой гость [Н.И. Серебрянский] придется по душе моей мамочке [Ржевской; владыка Макарий часто так именовал ее в письмах, подчеркивая свою признательность за ее заботу – А.А.], ибо он с таким же чувством относится к Ив[ану] Ник[олаевичу], как и она»⁴⁰. В другом письме епископ Макарий эфемически называет лишение свободы «командировкой»: «Пишет Олег, что он находится за Байкалом; сначала работал по устройству вторых жел[езно-] дорожных путей, а теперь – в совхозе. Жалуется, что потерял здоровья на 60%. Потерял два зуба. Чувствует затруднение в продовольствии, а особенно в жирах. Послан в командировку на пять лет. Сейчас прожил три месяца на третий год»⁴¹. Однако в письме протоиерея Николая Пискановского (отметим – poslanном владыке прямо на его домашний адрес) обо всех лицах и обстоятельствах говорится вполне откровенно, без иносказаний⁴².

Изучение корреспонденции священномученика позволяет заключить: следственными протоколами характер переписки епископа Ма-

кария был намеренно искажен с целью доказать его активную роль в деятельности так называемой «истинно-православной церкви». К примеру, сохранившееся письмо отца Николая Пискановского не имеет никакого конспирологического смысла или подтекста, а епископ Иоасаф (Жевахов) вообще не говорит в своем письме об «истинном православии» – зато упоминает о собственном докладе, с «катакомбной» точки зрения совершенно немыслимом: «Сейчас пишу обширный доклад в ВЦИК, в комиссию по культам (вероятно страниц на 80), надеясь, что мое оповещение всего (невидимого центра) происходящего на периферии, чему я был свидетелем, сыграет роль в деле изменения в курсе отношений к нашему брату»⁴³.

Подлинные письма священномученика Макария к Р.А. Ржевской тем более ценны для нас, что детально изображают повседневную жизнь владыки незадолго до ареста. Епископ Макарий живет довольно замкнуто, общаясь лишь с ограниченным кругом близких людей; ежедневно посещает храм в Селище (отметим – «сергиевский»), заботится о своем огороде, несколько тяготеет бытовыми проблемами, переживает по поводу сложных взаимоотношений с М.И. Сегеркранц⁴⁴. При этом он ведет обширную переписку со своими корреспондентами – представителями самых различных церковных кругов, от активного и убежденного «иосифлянина» протоиерея Николая Пискановского до «сергиевца» священномученика Иоасафа и (с учетом сделанной выше оговорки) неизвестного украинского священнослужителя; последнему владыка отнюдь не внушает «уходить в катакомбы», но советует – как, используя советское законодательство, уменьшить взимаемый со священнослужителей налог. Если доверять свидетельству протокола допроса 22 октября 1934 года, во время

*Внутренний вид Александрo-Антониновского храма.
Фото 2002 года.*

поездки на Украину епископ Макарий даже собирался встретиться с митрополитом Константином по вопросу помощи нуждающимся клирикам.

Приведем также фрагмент протокола допроса служившего в Александрo-Антониновской церкви священника Иоанна Гарского (конечно, в достоверности этого документа можно сомневаться, однако следует учесть: по воспоминаниям родственников протоиерея Павла Острогского⁴⁵, отец Иоанн относился к своему сослужителю и его друзьям резко отрицательно):

«С Кармазиным, Ржевской и Сегеркранц я познакомился в начале 1934 г. через Острогского Павла, который за одной из служб сказал мне, что наша церковь будет посещаемая владыкой Макарием и что к нему нужно всему причту относиться как к епископу, подходить под благословение и т[ому] п[одобное]. В этот же день я и был представлен Кармазину.

Через несколько служб, за которыми Кармазин присутствовал только как молящийся, он стал вести себя как правящий епископ, напр[имер], отменил практику приношения про-

сфор по средам и пятницам великого поста, через Острогского ввел систему подхода к нему под благословение причта перед службой и после службы <...>»⁴⁶.

Такое поведение епископа в «сергиевском» храме и его внимание к проблемам «сергиевских» клириков никак не согласуются с образом «идеолога истинно-православной церкви». Тем более неуместно приписывать владыке Макарию мнение о безблагодатности «сергиевской» иерархии⁴⁷.

Следует обратить внимание и на пометки (подчеркивания и отчеркивания), сделанные в текстах писем, несомненно, следователями. Сравнение этих пометок с обвинениями, предъявленными епископу Макарию, само по себе весьма красноречиво.

Отдельно рассмотрим два принципиальных вопроса: как епископ Макарий относился лично к митрополиту Сергию (Страгородскому) и имелась ли на квартире священномученика «нелегальная» церковь.

Согласно протоколам из следственного дела, владыка Макарий якобы относился к митрополиту Сергию резко отрицательно. Приведем несколько фрагментов (кроме процитированного выше допроса владыки Макария от 22 октября).

2 октября 1934 года, допрос епископа Макария: «Митрополита Сергия как главу русской церкви я не признаю и его осуждаю за его нерешительную политику к Советской власти и неправильное интервью, данное им в 1930 году иностранным корреспондентам»⁴⁸.

16 октября, допрос Н.А. Аракина: «С первых же дней после своего поселения в Селищах Кармазин стал известен как истинно-православный епископ, не признающий сергиевскую церковь как лояльно относящуюся к Советской власти, устроил у себя в квартире нелегальную домашнюю церковь, организовал вокруг себя группу единомышленников, в которую входили: три монахини, проживающие в церковн[ой] сторожке, священник Селищенской церкви – Острогский, его жена и Ржев-

ская. Все вышеперечисленные лица часто посещали Кармазина. Острогский, его жена, монахиня Рахиль, а впоследствии и бывш[ий] профессор Серебрянский 3-4 раза в месяц вечерами собирались в квартире Кармазина и Ржевской, где обсуждали вопросы о положении русской церкви, духовенства и религии»⁴⁹.

3 ноября, допрос Н.И. Серебрянского: «Наши встречи и беседы (с участием др[угих] лиц, в частности Ржевской, Острогского) в большинстве своем проходили в квартире Кармазина. Иногда мы собирались и в квартире Острогского. Кроме церковных вопросов, затрагиваемых Кармазиным, который резко осуждал политику митрополита Сергия, приведшего церковь к катастрофе и лишившего церковь свободы, обсуждались иногда и вопросы политического характера, в частности вопрос о тактике церкви после решений 17 партсъезда, по которому Кармазин заявлял, что легальная церковь просуществует не больше 2-х лет»⁵⁰.

27 ноября, допрос диакона Павла Калининкова⁵¹: «В тех случаях, когда мне приходилось бывать в общении с епископом Макарием Кармазиным, а заходил я к нему в церковные праздники вместе с др[угим] притчем [так в тексте – А.А.] – священником Павлом Острогским и Иоанном Гарским, в наших беседах с епископом Макарием последний каждый раз высказывал свое недовольство на трудность жизни при Советской власти. Были случаи, когда он нам рассказывал о голоде на Украине и массовой смертности от недоедания. Точно сказать, когда именно велись эти разговоры, сейчас затрудняюсь. В этих же беседах Макарий отрицательно относился к митрополиту Сергию, не признавал его за главу русской церкви, за его лояльность к советской власти. Припоминаю такой случай, когда Макарий сделал мне замечание, что я за богослужением поминаю Сергия»⁵².

11 октября 1934 года, допрос протоиерея Павла Острогского: «В этой же беседе [епископа Макария с отцом Павлом первый], не

признавая митрополита Сергия за главу русской церкви, осуждал его за неправильную политику к Советской власти, за признание последней и неправильное интервью, данное им иностранным корреспондентам в 1930 г., а также и за извращение канонов»⁵³.

В последнем случае нельзя не обратить внимание на текстуальное сходство показаний, якобы данных епископом Макарием (2 октября) и отцом Павлом Острогским – что, на наш взгляд, свидетельствует о принадлежности этих формулировок не допрашиваемым, а следователю.

В письмах самого священномученика Макария его личное отношение к митрополиту Сергию прямо не оговаривается. Однако нельзя не обратить внимания на тот факт, что владыка Макарий ежедневно посещал Александро-Антониновский храм и молился за богослужениями, на которых возносилось имя митрополита. Показательно и то, что писал владыка Макарий Р.А. Ржевской о священномученике Иоасафе 21 июля: «От Евд[окии] Гр[игорьевны] получил письмо от сына Иоас[афа], который говорит, что он согласен со мной в оценке Ив[ана] Ник[олаевича], но мы к цели подходим разными путями. Опять он подчеркивает, что Ив[ан] Ник[олаевич] высокой личной жизни, и говорит, что Господь карает церковь за наши грехи...»⁵⁴

Таким образом, на основании писем можно предполагать, что реальная оценка священномучеником Макарием и близкими к нему людьми личности митрополита Сергия весьма отличалась от позиции, изложенной в протоколах следственного дела. Добавим, что в бумагах, изъятых у епископа Макария, имелся текст послания (декларации) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нем Патриаршего Священного Синода об отноше-

Протоиерей Павел Острогский. Фото из следственного дела.

нии Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти от 16/29 июля 1927 года⁵⁵.

Характерным признаком «катакомбной» церковности являлось совершение тайных богослужений. Это, в частности, ставилось в вину священномученику Макарию и было одним из мотивов его осуждения. Более того, в протоколах следственного дела от имени епископа Макария утверждалось, что он получал инструктивные указания «об организации нелегальных домашних церквей»⁵⁶.

Но в материалах дела не имеется других примеров устройства тайных церквей кроме той, которая будто бы имелась на квартире владыки.

Допрос епископа Макария 13 октября 1934 года: «При моей квартире существовавшая нелегальная церковь мной была организована с приездом меня в г. Кострому, т[о] е[сть] в 1933 году, где периодически мной лично совершались тайные богослужения. На одном из совершаемых богослужений а/в⁵⁷ профессор истории Серебрянский выполнял роль псаломщика, кроме того, на богослужениях присутствовали Ржевская Раиса Ал[екса]ндровна и Ржевская Ольга Людвиговна»⁵⁸.

Допрос его же, 1 ноября: «Нелегальные церкви были созданы мною – Кармазиным в

ноябре м[еся]це 1933 г. в с[еле] Селищах Костромского р[айо]на с организацией при ней группы ревнителей православия.

В нелегальную деятельность домашней церкви и в группу ревнителей мною были вовлечены: священник Павел Острогский (который впоследствии был моим духовником), монахини Рахиль, Митродора и Таисия»⁵⁹.

Весьма показательно, что сначала слово «церковь» звучит во множественном числе, а затем – уже в единственном.

Допрос Н.А. Аракина 16 октября: «Кармазин <...> устроил у себя в квартире нелегальную домашнюю церковь»⁶⁰.

Допрос Н.И. Серебрянского 3 ноября: «Проживая в с[еле] Селищах, Кармазин создал нелегальную церковь у себя на квартире и устраивал нелегальные службы. На одной из таких служб был использован и я в качестве псаломщика. За этой службой им были причащены проживающие в одной квартире с ним Ржевская Раиса Александровна и ее мать»⁶¹.

Допрос его же 10 ноября:

«Вопрос: Какие программно-политические установки ставит «истинно-православная церковь», к которой принадлежит Кармазин?»

Ответ: Из тех проведенных Кармазиным со мною бесед видно, что программно-политичес-

кие установки «истинно-православной церкви» основаны на: 1. Построении всей церковной деятельности и жизни на платформе решений Поместного собора 1917 г., которыми все верующее население призывалось к открытой борьбе с Советской властью, 2. Насаждение тайных церквей на дому по типу «древняго [так в тексте – А.А.] христианства», объединение вокруг них духовенства, монашества и церковников-мирян <...>»⁶².

Допрос протоиерея Павла Острогского 13 октября (ниже будет сказано о степени достоверности этого протокола):

«Вопрос: Что Вам известно о существовании нелегальной церкви у Кармазина?»

Ответ: Мне известно, что такую церковь Кармазин имеет. Примерно месяц тому назад он устраивал у себя в квартире богослужение. В качестве псаломщика при богослужении был административно-высланный профессор-историк Серебрянский Николай Ильич. Во время богослужения Кармазин причащал проживающую у него на квартире старуху Ольгу.

Вопрос: Кто присутствовал за богослужением?

Ответ: Мне известно, что за богослужением присутствовали: Серебрянский Николай Ильич, Ржевская Раиса Александровна и старуха Ольга»⁶³.

Однако в протоколе допроса Р.А. Ржевской 26 ноября о церкви, якобы имевшейся на квартире владыки, говорится совсем другое:

«Вопрос: Что Вам известно о существовании нелегальной церкви в квартире епископа Макария и совершались ли

Семья Острогских.
Фото начала
тридцатых годов
XX века.

тайные богослужения, на одном из которых профессор истории Серебрянский выполнял роль псаломщика?

Ответ: Нелегальной церкви в квартире Кармазина не существовало и нелегальных служб, на которых бы профессор истории Серебрянский выполнял роль псаломщика, не было. Молебны и панихиды бывали, которые совершал епископ Макарий Кармазин только для себя, иногда в моем присутствии»⁶⁴.

В тот же день была проведена очная ставка Р.А. Ржевской и Н.И. Серебрянского, которая не дала желаемого для следователей результата:

«[Серебрянский:] Утром 5/IX ко мне к квартире подошел Кармазин и пригласил зайти к нему на квартиру в 7 час[ов] утра. Я пришел к 7 1/2, т[о] е[сть] когда уже литургия началась. Кармазин попросил меня помочь ему отслужить литургию, что я и исполнил.

За литургией присутствовали Ржевская Раиса Александровна и ее мать, которые причащались Кармазиным.

Об этом мною было рассказано в тот же день священнику Павлу Острогскому. <...>

[Ржевская:] Показание свидетеля Серебрянского, изложенное в настоящем протоколе, отрицаю»⁶⁵.

Само по себе совершение епископом литургии в домашних условиях не может считаться чем-то противозаконным; но, надо полагать, по мнению следователей это доказывало бы принадлежность владыки Макария к ИПЦ – тем более что в их распоряжении имелось письмо протоиерея Николая Пискановского к священномученику Макарию, где говорилось о ежедневном совершении Евхаристии, о наличии у митрополита Иосифа⁶⁶ походного храма.

Письма владыки Макария к Р.А. Ржевской подтверждают слова из протокола ее допроса 26 ноября 1934 года. Священномученик действительно совершал дома лишь частные богослужения, не оставляя при этом посещения Александрo-Антониновского храма.

21 июля 1934 года: «В ц[ерковь] пришел к началу литургии. Был молебен. Домой вернулся без 10 минут 11, т[о] е[сть] в тот момент, когда Вы должны приехать в Москву. Я сейчас же отслужил дома молебен Божией Матери и водосвятный <...>»⁶⁷.

24 июля: «Сегодня день ангела Ольги. Молился о здравии и спасении наших дорогих Ольг в ц[еркви] и за молебном там, а по приходе домой отслужил молебен у себя»⁶⁸.

28 июля: «Был у всенощной. <...> По просьбе М[арии] Ив[ановны] отслужил по ее родных панихиду»⁶⁹.

Весьма важно, что в протоколе обыска на квартире епископа Макария не отражено наличие у владыки евхаристических сосудов или антиминов; вещественными доказательствами по делу служили только письма.

Из всего изложенного выше следует сделать вывод: материалы следствия сознательно фальсифицировались сотрудниками НКВД для того, чтобы представить владыку Макария и его близких группой «истинно-православных церковников». К сожалению, эта мифологема, порожденная гонителями Церкви, нашла отражение и в современной церковной печати...

Сделав столь обширное – но необходимое – отступление, вернемся к жизнеописанию протоиерея Павла Острогского.

1934 год стал тяжелым временем для селищенского пастыря. 20 декабря 1933 года в Новосибирске был арестован его старший сын Серафим Павлович Острогский, технолог предприятия «Льноконоплевотрактор», обвиненный в принадлежности к «контрреволюционной диверсионной группе». 13 марта 1934 года он был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, а 22 июня приговор привели в исполнение⁷⁰. Летом того же года разобрали на кирпич храм во имя святого блаженного Василия Московского, уже закрытый и превращенный в рабочий клуб.

В письмах владыки Макария к Р.А. Ржевской имеются следующие упоминания об отце Павле:

28 июля 1934 года: «Еще один день сбежал. Сварил суп, как и вчера, и пшеничную кашу; варил у хозяйки. Был, конечно, в ц[еркви] и молился за именинников. О[тец] Павел сказал: «Завтра я именинник; приходите ко мне в 5-6 ч[асов]; утром я пойду в деревню и к этому времени вернусь»...»⁷¹.

29 июля 1934 года: «В комнате чрезвычайно душно было. Меня немного мутило: очевидно, что-то мне повредило. Через это я не собирался идти на именины к о[тцу] Павлу раньше времени. Принял соды и к 6 ч[асам] пришел к нему. Там уже был Ник[олай] Ил[ьич]. Именинника же не было. Он явился в половине 8го. Ходил в село за 15 верст. Был чай и пирог с капустой, а другой с малиной. Я выпил чаю с медом и съел маленький кусочек пирога сладкого; боялся есть, чтобы хуже не было. У о[тца] Павла была старшая дочь с ребенком; ждали среднюю, но та не приехала. Заходила Ираида⁷². Она говорила, что сейчас в порядке задания идет ликвидация хулиганства. Ведь оно приняло большие размеры. В 8 ч[асов] ушли домой»⁷³.

Маленькая деталь, тем не менее говорящая очень о многом: даже в день своего тезоименитства отец Павел считал долгом посетить отдаленные места селищенского прихода, проходя пешком десятки километров...

Как уже упоминалось, владыка Макарий был арестован 30 сентября 1934 года в вагоне поезда Кострома-Москва, имея при себе билет

до Харькова. 7 октября в доме отца Павла прошел обыск (впрочем, безрезультатный – в соответствующей графе протокола отмечено: «Ничего не обнаружено»⁷⁴), а на следующий день было подписано постановление о предъявлении отцу Павлу обвинения по статье 58 пункт 10 Уголовного кодекса и о содержании его под стражей.

Затем владыка Макарий и отец Павел были перевезены в Иваново, во внутреннюю тюрьму управления НКВД⁷⁵. Арестантов отправляли под конвоем на поезде, и многие жители Селища пришли проститься с ними. Юрий Григорьевич Хлебников (родившийся в 1925 году в Селище) вспоминал: «Я был еще маленьким, мама взяла меня с собой провожать арестованных священников. Вагоны стояли на пути у завода «Рабочий металлист», было много народу из Селища. Заключение в окнах вагона улыбались и махали нам руками. Когда поезд тронулся, все провожающие плакали и махали вслед поезду руками»⁷⁶.

С 8 октября по 29 ноября 1934 года, согласно следственному делу, состоялись 11 допросов отца Павла. С 8 по 20 октября его допрашивал оперуполномоченный 3-го отделения секретно-политического отдела Проценко (6 протоколов); 22 октября он же вынес постановление о предъявлении обвинения, согласованное начальником 3-го отделения Новиковым и утвержденное начальником отдела Хорхориным; затем – с 1 по 29 ноября – отца Павла допрашивал оперуполномоченный того же отделения

Кириянов (5 протоколов).

Первый допрос, состоявшийся 8 октября, был «установочным», касался служебных обязанностей отца Павла и проживавших

*Серафим Острогский.
Фото из новосибирского
следственного дела.*

при селищенском храме монахини и инокинь. Однако уже 11 октября в протоколе допроса содержатся слова, которых так ждали следователи:

«Вопрос: Как Вы относитесь к Сов[етской] власти и проводимым ею мероприятиям?»

Ответ: К Советской власти и ее мероприятиям я отношусь отрицательно. Оно вызвано тем, что Советская власть ликвидировала привилегии у духовенства, церкви, отняла все ее имущество, отделила ее от государства, а также и тем, что в результате ее мероприятий падает вера в бога [так в тексте – А.А.].

Советскую власть я считаю властью анти-христовой – безбожной, посланной нам за грехи наши, как испытание [у этой фразы в протоколе стоит отдельная подпись отца Павла; видимо, Проценко старался закрепить свой «успех» – А.А.].

Я являюсь сторонником такого государственного строя, который бы поддерживал религию как силу, способствующую национальному единству. Это мое настроение и определение я не скрывал и скрывать не намерен»⁷⁷.

Дальнейшие допросы в целом были посвящены взаимоотношениям отца Павла и владыки Макария. О степени достоверности протоколов мы уже говорили (и еще скажем чуть ниже), но все же приведем некоторые выдержки из них (текстуально соответствующие оригиналу).

11 октября: «С Епископом Кармазиным Макарием я познакомился вскоре после его поселения на жительство в с[еле] Селищах. Знакомство наше не прекращалось до последнего времени и осуществлялось путем встреч в алтаре церкви, которую он ежедневно посещал и

Семьи Острогских и Парийских. Фото начала тридцатых годов XX века. В центре сидят (слева направо): отец Александр Парийский, его супруга Афанасия Михайловна, их дочь Елизавета Александровна (супруга отца Павла), протоиерей Павел Острогский.

помогал мне читать поминальные книжки, и периодических посещений мною его квартиры, а им моей. В беседах при таких встречах мы обсуждали вопросы, касающиеся политики и положения русской и украинской церкви. Макарий рассказывал о катастрофическом положении украинской церкви и ее служителей. Он говорил, что на Украине все церкви закрыты, что духовенство осталось без мест и что верующие лишены храма. Мы приходили к выводу, что катастрофическое положение церкви является результатом поведения Митрополита Сергия, как главы русской церкви <...>»⁷⁸

14 октября: «Вопрос: Какие мероприятия намечались Кармазиным в целях сохранения веры и русской церкви?»

Ответ: Дать показания по вопросу, какие мероприятия намечались Кармазиным в целях сохранения веры и русской церкви, отказываюсь. Я лично считаю, что православная вера никогда не падет, т[ак] к[ак] останутся истинно-верующие люди, вера которых будет поддерживаться проповедью духовников и нелегальными молениями на домах, до тех пор

пока власть поймет, что она делает ошибку по отношению веры и церкви, признает их и даст им нужное положение»⁷⁹.

20 октября: «Вопрос: Расскажите, какие политические вопросы Вами обсуждались в квартире Кармазина?»

Ответ: Политические вопросы, в моменты групповых бесед в квартире Кармазина, действительно обсуждались, но содержание их, всех, я не помню. Припоминаю несколько бесед, происшедших в конце лета [19]34 г. – по вопросу ограничения свободной продажи коммерческого хлеба и повышения цен на хлеб и др[угие] продукты. <...> Также помню наши разговоры вокруг решений XVII партийного съезда, в частности вокруг выступлений делегатов и решения о ликвидации паразитических элементов»⁸⁰.

Особого внимания заслуживает протокол допроса 13 октября, цитировавшийся выше – о существовании церкви на квартире у владыки Макария. Казалось бы, здесь налицо оговор: ведь никаких богослужений, кроме панихид и молебнов, священномученик на дому не совершал. Но стоит лишь присмотреться к подписи допрашиваемого, и подложность протокола становится очевидной. Следователь не учел особенность почерка отца Павла: тот вообще очень редко ставил надстрочную черту над буквой «т» (это видно даже в документах начала XX века) и никогда не ставил такую черту над «т» в своей подписи. Видимо, фальшивый протокол был сфабрикован прежде всего для оказания давления на Н.И. Серебрянского – а затем так и остался в деле...

22 октября оперуполномоченный Проценко вынес уже упоминавшееся постановление, в котором говорилось:

«ОСТРОГСКИЙ, будучи враждебно настроенным к Советской власти и ее хозяйственно-политическим мероприятиям, входил в организованную идеологом «Истинно-Православной Церкви» епископом КАРМАЗИНЫМ Макарием к/р группу, ставившую своей целью:

ишико Александръ Парискаго, в селѣ
Костромской уѣзда. Маѣ 24 числа 1934 года
Архипастырьской церковноприходской
школы уѣзда, Павелъ Острогскій

Постановление мне объявлено 8 " 8
по: Острогский

Павелъ Павловичъ Острогскій Костромской
уѣзда
ванного Острогский

иша Александровна и старуха Анна
Павла Павловича Острогского

Подписи отца Павла (сверху вниз): на прошении о рукоположении (1901 год), в постановлении о предъявлении обвинения и содержании под стражей (8 октября 1934 года), в анкете арестованного (тот же день).

Внизу – фальсифицированная подпись в протоколе допроса 13 октября 1934 года.

а) Объединение реакционно-враждебной части церковников Костромского р[айо]на, являющихся сторонниками «Истинно-Православной Церкви», для активной борьбы с Советской властью.

б) Насаждение нелегальных домашних церквей с целью подготовки церковных кадров и идейных противников Советской власти <...>»⁸¹.

На последующих допросах, проводившихся уже оперуполномоченным Кирьяновым, обсуждалось наличие при Александро-Антониновском храме так называемой «тайной денежной кассы». В частности, протокол допроса 1 ноября содержит следующие показания:

«Тайная денежная касса при Селищенской церкви мной, Острогским, была организована в начале 1933 года. Создавая тайную денежную кассу, я преследовал целью оказание денежной помощи «голодающим». Средства кассы слагались из пожертвований духовенства управляемой мной благочинии. За время существования кассы, которая существовала до моего ареста, денежная помощь была оказана следующим лицам: а/в профессору истории Серебрянскому, деньги в сумме – 30 руб. мной были вручены его приемной сестре Дарье Павловне, священнику находящего в заштате Левашову – 15 руб., вдове б[ывшего] настоятеля костромского собора Крутиковой – 30 рублей. До организации тайной кассы я лично из своих средств оказывал денежную помощь целому ряду лиц, мне знакомых, находящихся в ссылке: б[ывшей] помещице Куприяновой – 40 руб., священнику Дивногорцеву – 30 руб. и священнику Звездину – 15 рублей <...>»⁸².

Несмотря на тенденциозность следствия, надо полагать, что такая касса отцом Павлом все же была создана. В частности, об этом говорят и показания свидетелей.

23 ноября 1934 года, протокол допроса священника Иоанна Гарского: «Нелегальную кассу помощи бедному духовенству, семьям последнего при Селищенской церкви организовал Острогский. Примерно в январе месяце текущего года Острогский собрал нас: меня, псаломщика Парийского (проживает в с[еле] Селищах) и диакона Калининкова (проживает в Селищах), высказал свое мнение о том, что в настоящее время возникла необходимость создания, из отчислений духовенства, специальной кассы для помощи нуждающимся священникам, семьям заключенных служителей культа и т[ому] п[одобное]. На мое замечание о том, что это дело незаконное и неразрешенное, Острогский мне ответил, что мы, т[о] е[сть] он, Калининков и Парийский, решат большинством голосов и при этом добавил, что и вашей семье нужна будет помощь в случае вашего ареста»⁸³.

26 ноября, протокол допроса священника Николая Росницкого (служившего в Христо-Рождественском храме на Городище): «Существовала ли при Селищенской церкви нелегальная касса помощи бедным, мне неизвестно, но знаю, что Острогский организацией такой кассы занимался. 20 июля Острогский пришел в Городищенскую церковь, вошел в алтарь и предложил мне сделать пожертвование для оказания материальной помощи сиротствующим и нуждающемуся духовенству и верующим. Мне известно, что из собираемых пожертвований Острогский оказывал помощь заштатному священнику Левашову Петру»⁸⁴.

27 ноября, протокол допроса диакона Павла Калининкова (служившего в Александро-Антониновском храме): «Мне известно, что Павел Острогский эти средства собирал, при этом высказывал свое мнение о том, что в настоящее время возникла необходимость сбора специальных денежных фондов для помощи нуждающимся священникам, семьям заключенных служителей культа и т[ому] п[одобное]. Я лично для этих целей с января м[еся]ца 1934 г. по апрель м[еся]ц т[екущего] г[ода] отчислил десять руб. Деньги эти мною переданы Павлу Острогскому, каким путем расходовались эти средства Острогским, мне неизвестно»⁸⁵.

В целом отец Павел не изобретал ничего нового: в дореволюционное время кассы взаимопомощи (именовавшиеся эмеритальными) существовали во многих епархиях, в том числе и в Костромской. Они формировались из взносов духовенства, а средства таких касс направлялись на поддержку малоимущих клириков и членов их семей. Но для новой эпохи подобная практика была уже «контрреволюционной»...

Следствие близилось к концу, и «редакторская правка» оперуполномоченного Кирьянова (вспомним заявление святителя Афанасия) становилась все более откровенной.

Протокол допроса протоиерея Павла Острогского 20 ноября:

«Вопрос: Какую цель Вы преследовали распространением к-р. слухов?

Ответ: Цель, которую я преследовал при распространении слухов о якобы существующих гонениях на церковь и духовенство в Советском Союзе, была исключительно к-революционного порядка, а именно – привить массе верующих единую антисоветскую оценку положения религии и церкви, держать верующих в состоянии постоянного недовольства и враждебности к Советской власти, используя их религиозные чувства, лучше и крепче их сплотить для борьбы за сохранение и восстановление истинно-православной веры, как ее завещал хранить умерший Патриарх Тихон»⁸⁶.

Примечателен протокол допроса 12 ноября, в котором отец Павел якобы признается во всех предъявляемых ему обвинениях. Прочитируем его полностью:

«Вопрос: Расскажите, когда и при каких обстоятельствах Вы примкнули к нелегальной группе ревнителей «истинно православной церкви», возглавляемой епископом Макарием (Кармазиным)?

Ответ: К нелегальной группе ревнителей «истинно-православной церкви», возглавляемой епископом Макарием (Кармазиным), я лично примкнул в ноябре м[еся]це 1933 год[а], т[о] е[сть] с того момента, когда Кармазин поселился в с[еле] Селищах. Кроме меня, Острогского, в состав группы ревнителей «истинно-православной церкви» входили: адм[инистративно] высланный профессор истории Серебрянский Николай Ильич, монахини Рахиль, Митродора и Таисия, Аракин Николай Ал[екса]ндрович, его жена Сегеркранц Мария Ивановна и Ржевская Мария»⁸⁷.

Казалось бы, вот оно – ожидаемое следователями полное признание... Но последние слова из протокола свидетельствуют о том, что он составлялся наспех и не корректировался. Мог ли отец Павел, близко знакомый с Раисой Ржевской, назвать ее «Марией» и подписаться под текстом с такой ошибкой без уточнения? И как его (и его ли?) подпись появилась под столь небрежно написанным протоколом? Учитывая то, что подобные ошибки в деле встречались и

прежде (вспомним мать Раисы Александровны, которой следователи усвоили фамилию «Ржевская»), следует признать: мы имеем дело не с фрагментарными недочетами следствия, а с направленной системной фальсификацией, цели которой вполне очевидны.

В таком контексте видится вполне закономерным заключительный протокол допроса, состоявшегося 29 ноября, где отец Павел якобы признается в своей вине:

«Я, Острогский Павел Федорович, свои показания, данные на предварительном следствии, целиком и полностью подтверждаю. Признаю себя виновным в том, что я, будучи отрицательно настроен к Советской власти и ее хоз[яйственным] мероприятиям, принимал участие в сборищах группы, устраиваемых епископом Макарием Кармазиным. Лично по своей инициативе организовал нелегальную кассу, средства которой мной расходовались для оказания материально-денежной помощи ссыльному духовенству и участникам группы. Распространял к-р. провокационные слухи о голоде и массовой смертности на Украине, с целью создать недовольство массы верующих к существующему строю, среди последних распространял к-р. провокационные слухи о гонениях Советской властью православной веры, духовенства и верующих»⁸⁸.

Сведения об отце Павле имеются и в протоколах допросов свидетелей, проходивших по делу. Даже с учетом следовательской «правки» они добавляют примечательные черты к облику селищенского пастыря.

Из протокола допроса Харитины Батаринной, жительницы деревни Решетниково, 24 ноября:

«Один раз Острогский посетил меня в начале осени 1934 года, расспрашивал о жизни кр[естья]н в колхозе и жизни моих родственников, проживающих на Украине. Острогскому я рассказала, что моя дочь в письмах пишет, что на Украине жить тяжело и голодно. На это Острогский мне ответил: «Пока Ваша дочка не померла с голода, пусть возвращается домой,

т[ак] к[ак] я лично слышал, что там действительно крестьяне колхозники пухнут с голода, а умершие по несколько дней валяются без погребения на улицах». В этой же беседе Острогский дал мне совет, чтобы я вышла из колхоза, т[ак] к[ак] колхозы несут с собой безбожие, а все те, которые вступили в колхоз, они предались в руки антихриста. Кроме того мне известно, что Острогский часто ходит по домам колхозников всех деревень, входящих в Селищенскую общину, где в массовом порядке общает детей колхозников, и, как рассказал Острогский, он это делает исключительно для поддержания православной веры, т[ак] к[ак] по его словам колхозники находятся в такой кабале, что не имеют никакой возможности ходить в храм Божий»⁸⁹.

Из протокола допроса Федора Копкова, жителя села Козелино, 27 ноября:

«Мне известно, что священник Павел Острогский с целью создания у верующей массы недовольства к Советской власти в своих проповедях клеветал на Советскую власть путем распространения слухов о гонении на православную веру и церковь. Дословно, в тех случаях, когда мне лично приходилось слушать его проповеди, последние имели следующее содержание: «В прошлом наши святые угодники страдали за православную веру, а сейчас пришло такое время, что наша православная церковь преследуется властями и закрываются храмы, духовенство и верующие властями высылаются без вины, надо терпеть, т[ак] к[ак] этому скоро придет конец и мы снова заживем старой жизнью». Пропове-

дей такого содержания я, Копков, слышал несколько»⁹⁰.

Итоги деятельности следствия были подведены в обвинительном заключении, составленном Кирьяновым и Новиковым, согласованном Хорхориным и 11 декабря 1934 года утвержденном заместителем начальника управления НКВД по Ивановской промышленной области Стырне. О протоиерее Павле Острогском в этом документе говорилось:

«ОСТРОГСКИЙ Павел Федорович 1877 года рождения, уроженец села Прискоково, Красносельского района ИПО, сын служителя культа, по национальности русский, гр[аждани]н СССР, беспартийный, женатый, имеет среднее духовное образование, служитель религиозного культа – священник. В 1923-30 г.г. привлекался по ст[атье] 58-10 УК – оправдан.

До ареста проживал в с[еле] Селищи, Костромского р[айо]на ИПО.

[обвиняется] В ТОМ ЧТО:

1) Будучи отрицательно настроен к Сов[етской] власти и ее хоз[яйственным] полит[ическим] мероприятиям, принимал активное участие [в] к-р собраниях группы.

2) Организовал нелегальную денежную кассу для оказания материально-денежной помощи ссыльному духовенству и участникам группы.

Дом семьи Острогских в Селище,
разрушенный в 1966 году.
Фото конца пятидесятых –
начала шестидесятых годов
XX века. Справа – Елизавета
Александровна Острогская.

3) Распространял к-р провокационные слухи о голоде и массовой смертности на почве голода.

4) Проводил а[нти]/с[оветскую] агитацию против коллективизации с[ельского]/хозяйства и т[ому] п[одобное]»⁹¹.

По согласованию с прокуратурой ИПО дело было передано на рассмотрение Особого совещания НКВД. Решение совещания состоялось 17 марта 1935 года. В выписке из протокола, относящейся к отцу Павлу, говорилось:

«СЛУШАЛИ:

Дело № 9 об ОСТРОГСКОМ Павле Федоровиче, 1877 г[ода] р[ождения], поп.

ПОСТАНОВИЛИ:

ОСТРОГСКОГО Павла Федоровича за участие в к.-р. группе сослать в Казакстан [так в тексте – А.А.] сроком на ПЯТЬ лет, сч[итая] срок с 8/Х-34 г.

Дело сдать в архив»⁹².

Последние два года земной жизни протоиерея Павла Острогского прошли в Казахстане. Он жил на станции Чу Чуйского района Казахской ССР в доме № 106 по Кок-Арыкской

улице; вслед за отцом Павлом сюда приехала его супруга, разделившая с ним все тяготы ссыльного бытия.

22 ноября 1937 года Чуйский районный отдел управления НКВД по Казахстану выписал ордер на обыск и арест отца Павла. Арестованный 23 ноября, он был помещен в камеру предварительного заключения на станции Чу. На этот раз сотрудники НКВД не утруждали себя излишними хитростями; в последнем следственном деле селищенского пастыря имеется лишь один малограмотный протокол допроса без указания точной даты (отмечено лишь – «ноябрь 1937 года»):

«Вопрос: Следствие располагает данными, что вы в будучи в ссылке вели Антисоветскую работу. Признаете себя виновным об этом.

Ответ: В ведении мною антисоветской работы, будучи меня в ссылке, виновным себя не признаю.

Вопрос: Следствие располагает достаточными материалами, что вы будучи в ссылке вели антисоветской работы, дайте ваше правдивое показание.

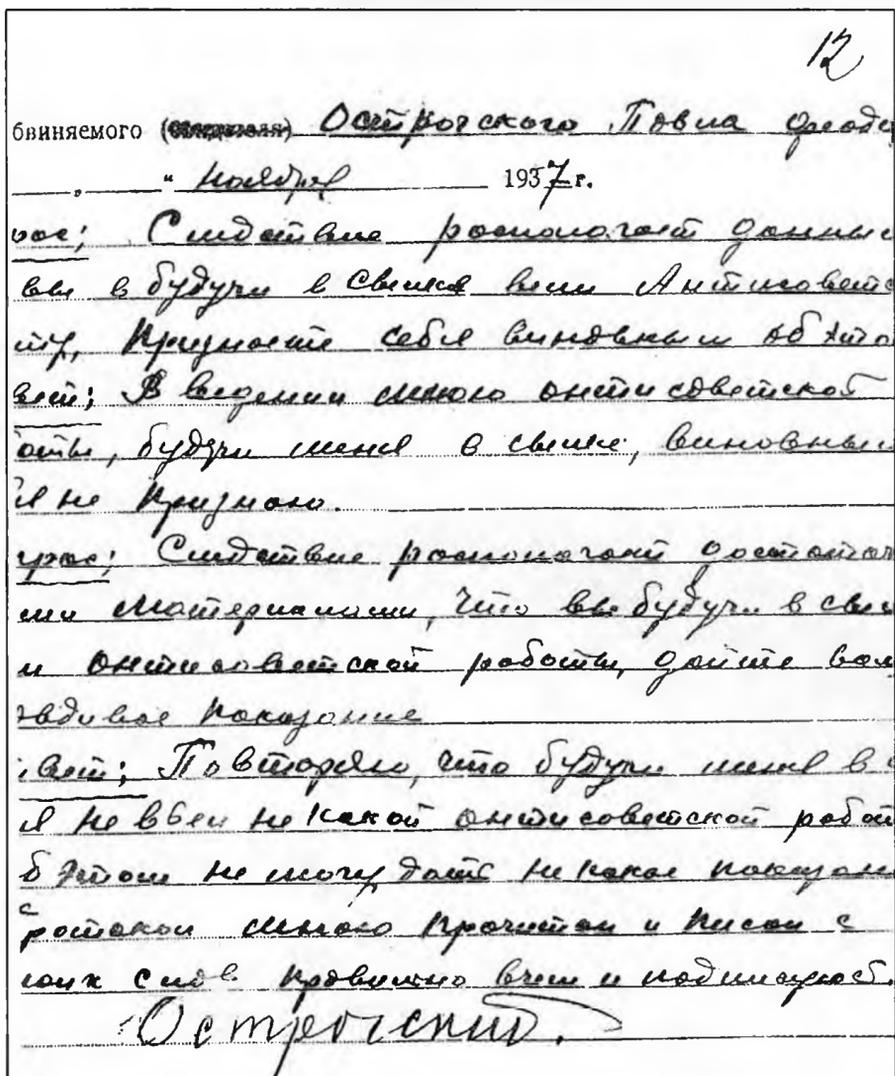
Ответ: Повторяю, что будучи меня в ссылке я не ввел не какой антисоветской работы, об этом не могу дать не какое показание»⁹³.

6 декабря 1937 года было составлено обвинительное заключение:

«Я, НАЧ[альник] ЧУЙСКОГО РО НКВД Лейтенант Госбезопасности [...]»⁹⁴ рассмотрев следственное дело по обвинению ОСТРОВСКОГО [так в тексте – А.А.] Павла Федоровича, 1877 года рождения, уроженца села Прискоково Красносельского района ИПО, до революции и после служитель религиозного культа (поп), установил следующее:

Проживая в селе Селищи Костромского района ИПО, входил в состав оперативно ликвидированной церковно-монархической к-р группы «ИПУ» [вместо «ИПЦ» – А.А.] и

Протокол допроса отца Павла, ноябрь 1937 года
(фото сделано с ксерокопии).

являлся одним из ее активных участников. За антисоветскую работу О[собым] С[овещанием] НКВД СССР 8 октября 1934 года [именно так – А.А.] осужден на пять лет адмссылки в Казахстан.

Проживая в Чуйском районе КССР, среди населения вел антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий Партии и Советского правительства.

Нелегально занимается исполнением религиозных обрядов.

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело по обвинению ОСТРОВСКОГО П.Ф. направить на рассмотрение Тройки НКВД КССР»⁹⁵.

В нашем распоряжении материалы этого дела имеются не полностью: в частности, отсутствуют свидетельские показания. Однако в постановлении Джамбульского областного суда от 5 сентября 1957 года (об отмене приговора и прекращении дела) в отношении отца Павла говорится:

«Из материалов дела видно, [что] основанием к осуждению Острогского послужили показания сокамерников по Чуйской КПЗ обвиняемых [...]»⁹⁶, которым Острогский вечером 28/XI-37 г. рассказал в камере анекдот: «Ехал один из бояр с каким-то поручением в Сибирь, в пути следования остановился ночевать на постоялом дворе, где было много народу, как вот здесь, в Ново-Троицкой»⁹⁷ тюрьме»»⁹⁸.

10 декабря 1937 года тройка управления НКВД по Алма-Атинской области вынесла приговор:

«СЛУШАЛИ:

146. ДЕЛО ЧУЙСКОГО РО НКВД № _____

ОСТРОВСКИЙ Павел Федорович – 1877 года рождения, русский, служитель религиозного культа. В 1934 г. осужден Особым Совещанием НКВД СССР за участие в к-р. группе «ИПУ» и антисоветскую деятельность к 5 годам адмссылки.

Последний приговор
(фото сделано с ксерокопии).

Без определенных занятий.

ОБВИНЯЕТСЯ: Вел среди населения антисоветскую агитацию. Нелегально занимался исполнением религиозных обрядов, используя это в своей антисоветской деятельности.

ВИНОВНЫМ СЕБЯ ПРИЗНАЛ ЧАСТИЧНО [что совершенно не соответствует процитированному протоколу единственного допроса – А.А.].

ПОСТАНОВИЛИ:

ОСТРОВСКОГО Павла Федоровича РАССТРЕЛЯТЬ»⁹⁹.

13 декабря 1937 года приговор был приведен в исполнение¹⁰⁰. Земная жизнь исповедника веры Христовой, доброго и ревностного пастыря завершилась принятием мученического венца. Сведений о месте его последнего упокоения не сохранилось...

Елизавета Александровна, вдова отца Павла, вернулась из Казахстана в Кострому; здесь она проживала до своей кончины в 1972 году, оставаясь постоянной прихожанкой Александро-Антониновского храма. В 1957 году, как уже отмечалось, Джамбульский областной суд отменил приговор 1937 года и прекратил дело

отца Павла за отсутствием состава преступления, а 27 апреля 1989 года прокурор Костромской области Б.И. Дмитриев утвердил заключение о реабилитации селищенского пастыря по делу 1934 года.

Память о протоиерее Павле Острогском благоговейно хранится духовенством и верующими Костромской епархии. Александро-Антониновский храм, в котором он служил, в XX веке не прекращал действовать; и сейчас под церковными сводами возносится молитва об упокоении ревностного делателя нивы Христовой, претерпевшего лишения, гонения, клевету и страдальческую кончину, вместе с бесчисленным множеством клириков и мирян взшедшего на Российскую Голгофу минувшего столетия.

В заключение автор считает своим долгом выразить благодарность всем тем, кто помогал ему в поиске и исследовании документальных свидетельств о жизни и подвиге протоиерея Павла Острогского:

– начальнику управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ В.С. Христофорову и первому заместителю начальника управления А.В. Васильеву;

– директору Государственного архива Костромской области Е.Х. Шайхудинову и сотрудникам ГАКО;

– директору Государственного архива новейшей истории Костромской области С.А. Попову, сотрудникам ГАНИКО Т.М. Карповой, И.А. Смирновой, Л.Г. Шиповой;

– настоятелю Александро-Антониновского храма города Костромы протоиерею Игорю Шашкову;

– научному сотруднику Костромской епархии Н.А. Зонтикову;

– внучке отца Павла Н.Б. Острогской.

Особо хотелось бы сказать о помощи, оказанной автору бывшим директором Государственного архива новейшей истории Костромской области А.М. Елизаровым, скончавшимся 16 июля 2008 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хлебников М. Движение истинно православных в Костромской губернии // Православная жизнь (Джорданвилль), 1997, № 5 (569), с. 1-29.

² Голубцов Сергей, протоиерей. Профессура МДА в сетях ЧК и Гулага. М., 1999, с. 73-74.

³ Доненко Николай, протоиерей. Наследники Царства. Симферополь, 2000, с. 326-354.

⁴ Там же, с. 349.

⁵ Все ссылки на следственное дело епископа Макария священник Александр Мазырин приводит в виде: «Архив УФСБ по Костромской обл. Д. 6179...». Между тем, как указывалось выше, еще в декабре 1992 года это дело (по изначальной нумерации – № 9) было передано на хранение в Центр документации (ныне Государственный архив) новейшей истории Костромской области.

⁶ Священномученик Кирилл (Смирнов; 1863-1937) – с апреля 1920 года митрополит Казанский и Свияжский, расстрелян 20 ноября 1937 года; Юбилейным Архиерейским Собором 2000 года прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских.

⁷ Мазырин Александр, иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. М., 2006, с. 159.

⁸ Священномученик Серафим (Самойлович; 1880-1937) – с 1920 года епископ Угличский, викарий Ярославской епархии, в 1924 году возведен в сан архиепископа, Заместитель Патриаршего Местоблюстителя (1926-1927), 4 ноября 1937 года расстрелян в Сиблаге; Юбилейным Архиерейским Собором 2000 года прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских.

⁹ Священномученик Дамаскин (Цедрик; 1877-1937) – с сентября 1923 года епископ Глуховский, викарий Черниговской епархии; 15 сентября 1937 года расстрелян в Карлаге; Юбилейным Архиерейским Собором 2000 года прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских.

¹⁰ Мазырин Александр, иерей. Указ. соч., с. 160.

¹¹ Там же, с. 161.

¹² Здесь и далее «к/р», «к-р» – «контрреволюционный».

¹³ Мазырин Александр, иерей. Указ. соч., с. 176-177.

¹⁴ Отметим, что эта фамилия встречается и в деле священномученика Макария.

¹⁵ Молитва всех вас спасет. Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского. Москва, 2000, с. 206.

¹⁶ Пискановский, Николай Акимович – протоиерей, в двадцатых годах помощник епископа Макария (Кармазина); в конце двадцатых годов находился в заключении на Соловках, затем проживал в ссылке в Воронеже, принадлежал к «иосифлянам».

¹⁷ См.: Мазырин Александр, иерей. Указ. соч., с. 157-158.

¹⁸ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, лл. 29об-30.

¹⁹ Здесь и далее текст цитируется в полном соответствии с оригиналом, без исправления некоторых очевидных ошибок.

²⁰ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 88.

²¹ Священномученик Иоасаф (Жевахов; 1874-1937) – 26 декабря 1924 года в киевском Зверинецком скиту пострижен епископом Макарием (Кармазиным) в монашество, рукоположен во иеромонаха; 6 июля 1926 года хиротонисан во епископа Дмитриевского, викария Курской епархии; 1926-1929 годы – в заключении на Соловках, затем отбывал 3 года ссылки в Нарыме (Восточно-Сибирский край); в сентябре 1932 года назначен епископом Пятигорским, в октябре 1932 года епископом Чебоксарским; в 1933 году приговорен тройкой ОГПУ к 10 годам ссылки в Северный край (Архангельск), в 1934 году как инвалид переведен под надзор в Московскую область; с 29 июня по 16 октября 1934 года епископ Могилевский, затем проживал в Белгороде; расстрелян 4 декабря 1937 года; прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 17 июля 2002 года.

²² ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 19.

²³ Там же, л. 9об.

²⁴ Там же, л. 13.

²⁵ Священномученик Парфений (Брянских; 1881-1937) – епископ Ананьевский, викарий Одесской епархии (1923-1924), с 1924 года епархией не управлял; проживал в московском Даниловском монастыре, был в оппозиции к митрополиту Сергию, расстрелян 22 ноября 1937 года; решением Священного Синода Русской Православной Церкви от 20 апреля 2005 года прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских.

²⁶ Священномученик Антоний (Панкеев; 1892-1938) – с 1924 года епископ Мариупольский, викарий Днепрпетровской епархии; епископ Белгородский (1933-1934), в феврале 1935 года арестован и приговорен к 10 годам заключения в Дальлаге (Хабаровский край), расстрелян в г. Благовещенске 1 июня 1938 года; прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских Юбилейным Архиерейским Собором 2000 года.

²⁷ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, лл. 18об-20.

²⁸ Священномученик Петр (Полянский; 1862-1937) – с 1924 года митрополит Крутицкий, с 12 апреля 1925 года Патриарший Местоблюститель, расстрелян в тюрьме г. Магнитогорска 10 октября 1937 года, Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 1997 года прославлен в лике святых.

²⁹ Священномученик Константин (Дьяков; 1871-1937) – архиепископ (с 1932 года митрополит) Харьковский и Ахтырский, Экзарх Украины (1927-1934); с 26 июня

1934 года митрополит Киевский, Экзарх Украины; скончался в тюрьме во время допроса 10 ноября 1937 года; прославлен в лике святых 19 октября 1993 года решением Священного Синода Украинской Православной Церкви (Московского Патриархата).

³⁰ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, лл. 21об-22об.

³¹ Там же, ч. 2, лл. 12-23об.

³² Там же, л. 33.

³³ Там же, л. 34.

³⁴ Там же, л. 1.

³⁵ Там же, лл. 24-27.

³⁶ Там же, л. 24.

³⁷ Там же, лл. 35-37.

³⁸ Там же, л. 13.

³⁹ Там же, л. 34.

⁴⁰ Там же, л. 13об.

⁴¹ Там же, л. 17.

⁴² Там же, лл. 24-25об.

⁴³ Там же, л. 33.

⁴⁴ Характерен следующий фрагмент из допроса М.И. Сегеркранц 8 октября 1934 года: «Освободившись из концлагеря в 1933 г., я поселилась в Вязьме у своей сестры Ржевской Р.А., проживавшей вместе со своим родственником – епископом Кармазиным, находящимся на покое. Вместе с ними я и приехала в Кострому. С августа мес[яца] я отделилась от них вследствие некоторых трений с Кармазиным, а через это и с Ржевской как с очень религиозными людьми. Жить вместе с ними для меня была вторая ссылка, но меня удерживало мое положение» (ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 101).

⁴⁵ Сообщено автору внучкой протоиерея Павла Н.Б. Острогской.

⁴⁶ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, лл. 66-66об.

⁴⁷ Например: «Епископ Макарий (Кармазин), в 1934 году заявлявший следователю, что он *«вел и будет продолжать борьбу с обновленцами-сергиевцами»*, в 1936 году не усомнился принять к себе «сергиевского» епископа Порфирия (Гулевича) и жить с ним в одном доме на станции Уш-Тоб. Очевидно, трудно было думать о безблагодатности «сергиевского» иерарха, когда находишься с ним в одинаково тягостном ссылкеном положении» (Мазырин Александр, иерей. Указ. соч., с. 177).

⁴⁸ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 8.

⁴⁹ Там же, л. 34.

⁵⁰ Там же, л. 36об.

⁵¹ Калинин, Павел Викторович (1872-?) – диакон Александро-Антониновского храма.

⁵² ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 41.

⁵³ Там же, л. 51об.

⁵⁴ Там же, ч. 2, л. 13.

⁵⁵ Машинописная копия: ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 2, лл. 29-32.

⁵⁶ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 20.

⁵⁷ Здесь и далее – «административно-высланный».

⁵⁸ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 14. То, что в тексте протокола Ольга Людвиговна (мать Р.А. Ржевской, получившей свою фамилию от мужа) также именуется Ржевской – факт, позволяющий усомниться в достоверности этого документа.

⁵⁹ Там же, л. 28об.

⁶⁰ Там же, л. 34.

⁶¹ Там же, л. 36.

⁶² Там же, л. 37.

⁶³ Там же, л. 52.

⁶⁴ Там же, л. 81.

⁶⁵ Там же, л. 82.

⁶⁶ Иосиф (Петровых; 1872-1937) – с 1925 года митрополит Ленинградский, в конце ноября 1926 года вступил в исполнение обязанностей Заместителя Патриаршего Местоблюстителя; в сентябре 1927 года переведен на Одесскую кафедру, от исполнения указа отказался; 6 февраля 1928 года вместе с архиереями Ярославской епархии подписал акт отхода от митрополита Сергия; с 1931 года в ссылке в г. Аулие-Ата (переименованном в 1936 году в Мирзоян), расстрелян 20 ноября 1937 года.

⁶⁷ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 2, лл. 12-12об.

⁶⁸ Там же, л. 15об.

⁶⁹ Там же, л. 20об.

⁷⁰ Зонтиков Н.А. Церковь святых мучеников Александра и Антонины в Селище в Костроме. К 225-летию закладки в камне. 1779-2004 г.г. Публикация на интернет-сайте храма:

<http://www.alant.orthodoxy.ru/letopis/pg-letopis-7.htm>.

⁷¹ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 2, л. 20об.

⁷² Дочь отца Павла, Ираида Павловна Жилкина, работала тогда библиотекарем клуба имени Ленина в слободе металлостов.

⁷³ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 2, л. 22.

⁷⁴ Там же, ч. 1, л. 43.

⁷⁵ Точная дата отправки епископа Макария и протоиерея Павла в Иваново по документам выглядит различно. В анкете арестованного отца Павла, составленной 8 октября, уже указано: «Где содержится под стражей – г.

Иваново, внутр[енняя] тюрьма УНКВД» (там же, л. 45об); в то же время в справке от 25 ноября 1934 года говорится: «Направлен спецконвоем в г. Иваново 10/Х-с.г.» (там же, л. 47).

⁷⁶ Острогская Н.Б. Мой дед протоиерей Павел Острогский (рукопись).

⁷⁷ ГАНИКО, ф. 3656, оп. 2, д. 6179, ч. 1, л. 51.

⁷⁸ Там же, лл. 51-51об.

⁷⁹ Там же, л. 53.

⁸⁰ Там же, л. 55.

⁸¹ Там же, л. 56.

⁸² Там же, л. 57.

⁸³ Там же, л. 67.

⁸⁴ Там же, лл. 70об-71.

⁸⁵ Там же, лл. 41-41об.

⁸⁶ Там же, л. 62об.

⁸⁷ Там же, л. 60.

⁸⁸ Там же, л. 64.

⁸⁹ Там же, л. 69.

⁹⁰ Там же, лл. 73об-74.

⁹¹ Там же, лл. 134-135.

⁹² Там же, ч. 2, л. 52.

⁹³ Архив департамента Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (далее – КНБ РК) по Жамбылской области, д. П-451, л. 12. Текст приводится в полном соответствии оригиналу.

⁹⁴ В имеющихся в нашем распоряжении копиях документов из этого дела фамилии сотрудников НКВД вычеркнуты.

⁹⁵ Архив департамента КНБ РК по Жамбылской области, д. П-451, л. 13.

⁹⁶ Фамилии в копии документа вычеркнуты.

⁹⁷ Село Ново-Троицкое являлось административным центром Чуйского района.

⁹⁸ Архив департамента КНБ РК по Жамбылской области, д. П-451, л. 16.

⁹⁹ Там же, л. 17.

¹⁰⁰ Дата расстрела отца Павла указывается в письме заместителя начальника департамента КНБ РК по Жамбылской области М. Кадерсизова от 24 августа 2004 года, хранящемся в личном архиве Н.Б. Острогской.